

«МЯГКАЯ ВЛАСТЬ» ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ: КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Кожемякин Евгений Александрович,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью,
доктор философских наук, доцент,
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные коммуникативные характеристики институциональных дискурсов в контексте реализуемой ими мягкой власти. На примере политического, религиозного, юридического и образовательно-педагогического дискурсов автор обсуждает институциональные вариации коммуникативных стратегий вовлечения адресатов в конвенциональное смысловое поле.

Ключевые слова:

мягкая власть, институциональный дискурс, политический дискурс, религиозный дискурс, юридический дискурс, образовательно-педагогический дискурс.

Концепт «softpower» представляет собой особого рода образно-понятийный эпистемический инструмент, которым последние примерно 10 лет обозначают такие формы власти, которые основаны на добровольном принятии или подчинении реципиентом властного действия, которое, как отмечает О.Ф. Русакова, «приносит подвластному субъекту радость и удовольствие» [2, с. 202]. «Мягкая власть» не принуждает, не подчиняет, не ограничивает своего реципиента, а «соблазняет» его, транслирует ему необходимую субъекту «границу свободы». При этом, конституируя границы, субъект мягкой власти фактически номинирует поле свободного действия для субъекта. Очевидно, что такая форма властных отношений манифестирует, в первую очередь, свою «лояльность» реципиенту, а значит – предполагает своего рода «информационный обмен» с ним (по крайней мере, предварительный, до установления собственно отношений доминирования-подчинения). Как уточняет О.Ф. Русакова, «мягкая власть – это власть, которая реализуется в форме определённого коммуникативного воздействия, в про-

цессе которого диктуемое властью поведение воспринимается реципиентом как свободный и добровольный выбор» [2, с. 202].

Softpower в таком контексте представляется как: а) коммуникативное явление; б) стратегия вовлекающей коммуникации и (что следует из коммуникативной природы softpower) в) стратегии властной коммуникации, основанной на ряде социально конституируемых конвенций.

В этом смысле, концепция softpower, активно разрабатываемая последние годы Дж. Наем [1], отсылает нас к концепции власти М. Фуко [3], который трактовал её не как репрессивный орган, не как «суверена», подчиняющего своей воле «народ», и не как собственность, которую можно «отобрать», «передать» или «захватить». Власть для Фуко, а впоследствии и для Ная, – это «множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются» [2, с. 187]. В этом понимании власть – это свойство социальной системы, но не сама система. Социальные системы, производящие определённые властные отношения, производят их как систему конвенций: здесь мы

Конференц-зал

снова возвращаемся к идеям Фуко о том, что власть становится таковой только тогда, когда она *признана*, распознана как таковая, а процесс распознавания, в свою очередь, определяется целой серией правил (конвенций) – семиотическими или дискурсными. Это понимание властной природы лежит в основе фукианского концепта «власть-знание».

В различные исторические эпохи социальные институты производят «власть-знание» различным образом: известны примеры системы норм прямого принуждения, но также и системы общественного договора, основанного на принципах «прямой демократии», в которых норма как единица института трактуется как предмет общественных дискуссий и коллективного действия.

Современные социальные институты избегают норм прямого принуждения, что обусловлено целым рядом обстоятельств, подробно рассмотренных в современных социальных и гуманитарных науках. Речь, скорее, стоит вести о своего рода «доверительных» стратегиях социальных институтов, в соответствии с которыми, например, политики не «заставляют» и «ограничивают», а «убеждают» и «создают условия для принятия решений»; медики – не искореняют болезнь, а «формируют позитивное отношение к необходимости выздоровления»; учителя – не «учат», а «формируют условия для развития гармоничной личности».

Эти особенности современных социальных институтов, производящих властные отношения, неизбежно определяют характеристики институционального дискурса, в котором единственно и (вос) производятся конвенциональные смысловые структуры распознавания власти. При этом актуализация институционального дискурса предполагает особым образом «организованную» коммуникативную среду института, включающую в себя участников коммуникации и их интерпозиции, средства и каналы коммуникации и само сообщение. Рассмотрим особенности коммуникативной организации современных институциональных дискурсов, производящих отношения доминирования-подчинения по принципу softpower.

Политический дискурс, как и все остальные институциональные дискурсы, предполагает наличие формальных регламентированных отношений между коммуникантами, формальной сферы коммуникации, стратегий контролирующего общения, институциональных способов общения. Профессионализация политической деятельности является свидетельством установления жёсткозакреплённых норм коммуникативного и деятельностного характера, характеризующих позицию «политика», «политического эксперта», «специалиста по идеологическим вопросам» и так далее. С другой стороны, во-первых, существуют пространства политического дискурса, на которые пока не распространяется жёсткая регламентация коммуникативных позиций и ролей – такова, например, публицистика; и, во-вторых, процессы профессионализации всё же в большем масштабе наблюдаются, например, в юриспруденции.

Отличительной особенностью коммуникативных характеристик политического дискурса является его массовость и неопределённость границ коммуникантов («народ», «избиратели», «граждане», «патриоты», «народные избранники», «враги народа», «национал-предатели», «пятая колонна», «протестующие» и проч.). Как следствие неопределённости коммуницирующих групп характерным для политического дискурса является также неоднозначность таких ключевых для него понятий, как «общественное мнение», «политический выбор», «доверие избирателей» и так далее. Соответственно, неоднозначность понятий увеличивает риск волюнтаристской практики в политике: в каждом конкретном контексте эти понятия могут приобретать тот или иной смысловой оттенок в зависимости не только от собственно контекста коммуникации, но и интенций адресанта.

Коммуникация в институте политики продолжает онтологическую и языковую логику неопределённости политического дискурса. Относительность, неуловимость и абстрактность групп коммуникантов в политике аналогична характеристикам верующих в религии, однако, очевидны различия в акцентах по-

Конференц-зал

добного «размывания границ»: если в религии неопределённость коммуникантов обусловлена уникальностью их религиозного опыта, спецификой самих религиозных переживаний (то есть особенностями «агентов» религиозного дискурса, которыми равным образом являются и паства, и священнослужители), то в политике подобная неопределённость обусловлена властными интенциями, в соответствии с которыми может подавляться наблюдаемая однозначность и терминальность границ коммуникантов. Дело здесь в том, что эпистемически установленная точность и определённость политических реципиентов дискредитирует возможность эзотерического установления власти и воспроизводства фантазийных объектов. Иными словами, фантомность политического объекта воспроизводится фантомными группами акторов.

Религиозный дискурс характеризуется жёсткой иерархией базовых участников коммуникации, порядок которой определяется степенью сакральности и участия в религиозной деятельности. Саны священнослужителей, наличие или отсутствие мистического опыта, духовных переживаний, фоновых знаний о содержании культа, знакомство с сакральным текстом, доступ к «верной» интерпретации канонических текстов, образ жизни, даже форма и жанр высказываний – все это может выступать критерием оценки положения субъекта дискурсной практики в религиозной иерархии и, соответственно, производимые субъектом дискурсные действия могут быть оценены как истинные или ложные, соответствующие или не соответствующие религиозным канонам. Принцип Фуко «право голоса есть право власти» в значительной мере проявляется в религиозной дискурсной практике как распределение полномочий интерпретации текстов, наставления, совета, прощения, наказания, вопрошания в зависимости от коммуникативного – и, по большому счету, социального и культурного – статуса говорящего.

Признавая, что религиозный дискурс имеет субъективные основания, выражающиеся в индивидуальном принятии или непринятии религиозного учения и обращении к вере, мы,

тем не менее, акцентируем внимание на строгом и консервативно-нормативном характере коммуникативного поля религии. Религия не выполняет побудительно-принудительного действия, но участие в религиозной дискурсной практике предполагает выполнение ряда предписаний к поведению, к которым относится соблюдение коммуникативно-иерархической дистанции между коммуникантами, акцентирование различий в опыте и знаниях, подчинение, доминирование монологической формы общения над диалогической.

Уникальность религиозной коммуникации состоит в том, что сверхъестественные объекты, Бог, «высшие силы» мыслятся как активные участники общения: онтологический план религиозного дискурса совмещается с коммуникативным планом; предмет дискурса совпадает с его агентом; коммуникативный параметр предопределяется непосредственно предметной областью дискурса. Собственно, «высший» собеседник в религиозной коммуникации (то есть тот, кому обращены молитвы) «выводится» непосредственно из предметной области дискурса: сначала нечто мыслится как сверхъестественный объект, а затем становится эмпирически не наблюдаемым участником религиозной коммуникации. Более того, такая коммуникация циклична: как индивид может общаться непосредственно или опосредованно (через священника или наставника) с высшими силами, так и Бог может выступать с позиции адресанта по отношению к индивиду. Эта особенность в значительной степени специфицирует религиозный дискурс, поскольку иные типы дискурса характерны обратным типом зависимости – реальные (эмпирически наблюдаемые) участники общения могут составлять (или не составлять) предметную область дискурса (например, «учителя и ученики» в образовательно-педагогическом дискурсе или «политики и избиратели» в политическом). Даже если участники коммуникации «моделируются» в онтологическом плане дискурса (например, образование нового юридического лица или создание новой политической должности), то в конечном итоге соответствующие

Конференц-зал

коммуниканты всегда являются эмпирически наблюдаемыми, реальными. Исключение могут составлять крайние проявления тоталитарного дискурса, для которого характерно наделение политического лидера статусом божественного существа, непосредственная коммуникация с которым представляется невозможной или же мифологически конструируется как ситуация обретения истинного знания (ср. религиозное «слияние с Абсолютом»), но при этом «внутренний диалог» с вождём не просто возможен, но поддерживается и приветствуется. Такие примеры в очередной раз доказывают возможность междискурсных смещений и интердискурсных влияний, что в целом является предметом отдельного исследования.

Коммуникативные характеристики *юридического дискурса* включают в себя ряд специфических значений, к которым следует отнести, во-первых, высокую степень профессионализации отношений коммуникантов; во-вторых, «тотальность» коммуникативного эффекта; и, в-третьих, посреднический характер трансляции сообщений.

Несомненно, профессионализация отношений характерна для любого институционального типа дискурсной практики; различие заключается лишь в масштабе и степени профессионализации. Категория «профессионала» реализует в институте его базовые принципы: профессионал имеет право выражения экспертного мнения, он наделён полномочиями воспроизведения и изменения общественного порядка, он является «хранителем» социального опыта в его немодифицированном виде, он отвечает за модернизацию и адаптацию институционализированного знания.

Профессиональные отношения коммуникантов выражаются, во-первых, в однозначных требованиях к их действиям: адвокаты, прокуроры, судьи, присяжные, следователи, юрисконсульты, нотариусы – все юридические профессии обладают специфическими полномочиями и обязанностями. Более того, в отличие от политики, предъявляются жёсткие требования к непревышению полномочий: следователь не может «выполнять работу» судьи, а адвокат – совершать

действия «обвинительного» характера; в политике же член парламента может быть в то же время руководителем партийной организации, участником общественного движения, экспертом по вопросам политики и т. д.

С принципом объективности права связана «тотальность» коммуникативного действия в юридической дискурсной практике: сообщения о содержании и изменении законодательных текстов, равно как и сами тексты обращены к каждому гражданину и носят обязательный характер. Тотальность коммуникативного эффекта связана также с монологичностью и директивностью коммуникативного акта в юридической дискурсной практике: невосприятие или невозможность декодирования сообщения в юридической коммуникации отнюдь не является основанием считать коммуникативный акт неэффективным, или – иными словами – то, что адресат не услышал или не понял смысл сообщения, не отменяет силы последнего.

Универсальность действия закона связана также с интерпретацией и пониманием сообщений юридического характера. Несмотря на то, что обратная связь не влияет на статус сообщений, тем не менее, эффективность дискурсной практики, безусловно, зависит от субъективного восприятия адресатом высказываний и текстов. В то же время в процессе юридической коммуникации достаточно часто возникают терминологические, логические и формально-стилистические барьеры, и, следовательно, очевидна необходимость помощи адресатам в интерпретации и понимании юридических текстов. Эту роль также выполняют юристы-профессионалы, выступая в качестве медиаторов юридической коммуникации. Это обстоятельство позволяет сравнить юридический дискурс с религиозным: примечательно, что в обоих случаях в качестве адресанта выступает сам текст (Сакральный Текст – в религиозном и Закон – в юридическом дискурсах), а «уполномоченные субъекты» (юристы или священнослужители) – в качестве коммуникационных посредников.

Что касается коммуникативных характеристик *образовательно-педагогического дискурса*,

Конференц-зал

то речь следует вести не о тотальной подчинённости образовательно-педагогической коммуникации «дискурсной формации», «идеологии» или «социальным макроструктурам», а о своего рода «преломлении» и/или конструировании представлений о них адресантами и адресатами в каждой конкретной ситуации непосредственного образовательно-педагогического взаимодействия. Мы можем не только утверждать, что идеалы образования создают образовательные коммуникативные ситуации, но и что эти идеалы становятся возможными благодаря тому, что о них размышляют, их «делают», и они приобретают значимость в конкретных ситуациях педагогического общения.

При этом, конечно, не стоит отрицать институциональное принуждение в отношении образовательных ситуаций: институт распределяет коммуникативные роли и закрепляет хронотоп образовательно-педагогической дискурсной практики. В рамках самого института могут наблюдаться различные вариации коммуникативных ролей и хронотопов, но, тем не менее, это разнообразие также определяется институционально. Например, проведение лекций, как в аудитории, так и в видеорежиме может быть институционально допустимым, но беседы студентов с преподавателем в ресторане уже не могут быть расценены как лекция. Межличностная дистанция трактуется в образовательной дискурсной практике для акцентуации *авторитета* учителя и, следовательно, для облегчения интериоризации ценностно-смысловых структур. В политической дискурсной практике интериоризация облегчается за счет эксплуатации образа «своего», что, напротив, предполагает уменьшение дистанции между адресантом и адресатом. В юридической практике решение судьи, которое принимает он *лично*, оформляется ритуализованной коммуникацией, в то время как юридический совет или консультация основаны не на личном мнении юриста, а на содержании закона, поэтому не требуют особых коммуникативных ритуалов, подчёркивающих различия между адресантом и адресатом. В образовательно-педагогической дискурсной практике знания и ценности транс-

лируются и интерпретируются также лично учителем, а следовательно, образовательный эффект будет зависеть не только от качественных и количественных признаков транслируемой и интерпретируемой информации, но и от субъективной оценки адресатами адресанта как учителя, то есть от согласия адресатов с легитимным статусом учителя. Спецификой образовательно-педагогического дискурса является то, что действия адресанта моделируются в зависимости от когнитивных особенностей адресата, что принципиально отсутствует, например, в юридическом дискурсе. Эта особенность указывает на высокую степень интеракциональности дискурсной образовательной практики, которая неизбежно строится на принципах взаимодействия и обратной связи.

Образовательно-педагогический дискурс отличает также открытость интенций и коммуникативного плана адресанта, что эксплицирует связь между текстами и высказываниями. Эта особенность объясняется необходимостью максимального облегчения когнитивной репрезентации адресатами коммуникативных ситуаций. Открытость и в то же время структурированность дискурса выражается, в частности, в открытой репрезентации учителем целей и задач урока, конечного результата лекции (например, с помощью таких выражений, как «сегодня вы узнаете...», «на нашем уроке мы разберём с вами...» или с помощью интеррогативов и ассертивов). Общая прагматическая и семантическая связность педагогического текста предполагает использование метакоммуникативных средств – аннотаций, ключевых слов, краткого содержания, выводов. В этом отношении адресат образовательно-педагогической коммуникации всегда осведомлён о коммуникативно-интеракциональной (прагматической) позиции адресанта (учителя, преподавателя, лектора) и об «общей логике» его речи; ученик всегда знает, что он должен узнать и какие знания собирается передать ему учитель. Со своей стороны адресант также имеет чёткий коммуникативный план, все его высказывания подчиняются общей задаче коммуникативной ситуации. Эти особен-

Конференц-зал

ности указывают на метакоммуникативный характер дискурса образования: в ходе дискурсной практики коммуниканты не только сообщают нечто, но и сообщают о самих сообщениях.

Итак, проблема, с которой сталкиваются исследователи феномена softpower, по всей видимости, лежит, в том числе, в плоскости институциональных дискурсов, поскольку последние с очевидностью реализуют стратегии мягкой власти, основанной не на прямом принуждении и подчинении, а на вовлечении реципиентов в смысловое поле имманентных институту дискурсных практик. «Коммуникативный порядок» современного социального института как системы норм и конвенций социальных действий актуализируется в конституируемых ею дискурсных практиках мягкой власти. При этом у каждого институционального дискурса есть некоторая специфика, «подчинённая», тем не менее, общему правилу «вовлечённой коммуникации».

2. Русакова, О.Ф. Современная политическая философия [Текст] / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012.

3. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. – М.: AdMarginem, 1999.

1. Naj, Dzh. Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspeha v mirovoj politike [Tekst] / Dzh. Naj. – М.: Trend, 2006.

2. Rusakova, O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya [Tekst] / O.F. Rusakova. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012.

3. Fuko, M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Tekst] / M. Fuko / Per. s fr. V. Naumova, pod red. I. Borisovoj. – М.: AdMarginem, 1999.

1. Най, Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике [Текст] / Дж. Най. – М.: Тренд, 2006.

SOFT POWER OF INSTITUTIONAL DISCOURSES: A COMMUNICATIONAL DIMENSION

Evgeny Alexandrovich Kozhemyakin,

Belgorod National Research University,
Head of Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations,
Doctor of philosophy,
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Annotation

The paper discusses the general communicational features of institutional discourses in terms of soft power they produce. The author observes the institutional variations of communicational strategies of interpellation of addressees into the conventionalized meanings field. The paper is based on the examples of political, religious, juridical and pedagogical discourses.

Key words:

soft power, institutional discourse, political discourse, religious discourse, juridical discourse, pedagogical discourse.
